

РЕЦЕНЗИИ

CRITICAL REVIEWS

doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-13

Верхнее Посурье в эпоху Золотой орды

В. В. Ставицкий

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

stawiczky.v@yandex.ru

Винничек В. А., Винничек К. М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 88 с.

Для цитирования: Ставицкий В. В. Верхнее Посурье в эпоху Золотой орды // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 158–164. Рец. на кн.: Винничек В. А., Винничек К. М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 88 с. doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-13

Upper Posurie in the era of the Golden Horde

V.V. Stavitsky

Penza State University, Penza, Russia

stawiczky.v@yandex.ru

Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement. Penza : Institute of Regional Development of the Penza Region, 2023. 88 p.

For citation: Stavitsky V.V. Upper Posurie in the era of the Golden Horde. *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(3):158–164. A review of Vinnichek V.A., Vinnichek K.M. Medieval antiquities of the Nikolskoye settlement. Penza : Institute of Regional Development of the Penza Region, 2023. 88 p. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2024-3-13

В прошлом году пензенская краеведческая литература получила пополнение в виде небольшой по объему, но очень емкой по содержанию монографии Владимира Альбертовича и Карины Михайловны Винничек,

© Ставицкий В. В., 2024. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

посвященной анализу археологических материалов Никольского селища, являвшегося в золотоордынское время крупным торгово-ремесленным центром Верхнего Посурья. В данной работе были систематизированы и классифицированы находки ремесленного инвентаря, орудия земледелия, предметы быта и домашнего обихода, инструментарий торгового инвентаря, средства торгового платежа, бронзовые и серебряные украшения, бусы, элементы одежды и религиозного культа, предметы вооружения, зеркала и золотоордынские монеты, полученные за последние 20 лет в ходе регулярных подъемных сборов.

Монография состоит из восьми неравноценных по объему и содержанию разделов, которые хорошо проиллюстрированы 19 рисунками и 24 фотографиями. В кратком введении авторами излагается история открытия и изучения данного памятника, приводится его топографический план, дается общая характеристика культурного слоя, значительная часть которого нарушена многолетней распашкой.

Характеристика ремесленного инвентаря начинается с описания гончарного горна, выявленного в 2008 г. при зачистке речного обрыва. В монографии приводятся фотографии горна и дается его графическая реконструкция. Благодаря находкам в топочной камере трех дирхемов чеканенных в г. Укеке время функционирования горна было точно датировано первым десятилетием XIV в. Примечательно, что в горне обжигали керамику, не только изготовленную на гончарном круге, но и лепную. О производстве на селище ювелирных украшений свидетельствуют находки бронзовых матриц, которые использовали для получения нашивных элементов костюма. Все матрицы были собраны на небольшой площади около 25 кв. м, где, видимо, находилась производственная площадка мастера-ювелира. Находки подобных матриц известны в Посурье с домонгольского времени, однако по ряду характерных деталей они датируются золотоордынским периодом.

Железоделательное производство представлено на памятнике кусками оплавленного чугуна, шлаков и криц. В окрестностях селища удалось обнаружить два месторождения болотной руды, которая использовалась в данном регионе для выплавки железа. Однако ее лабораторный анализ показал, что руда имеет низкое содержание железа и поэтому не могла использоваться в производстве. Поэтому авторы не исключают возможности, что сырье могло быть как местным, так и привозным. На наш взгляд, отсутствие удобного водного пути к селищу исключает возможность транспортировки подобного сырья. В любом случае выходы богатой железом руды должны были находиться где-то поблизости, в противном случае железнорудное производство здесь бы не возникло. Деревообрабатывающее ремесло представлено только отдельными находками топоров, долот, тесел. К орудиям земледелия относятся два железных чресла от плуга.

Анализируя находки фрагментов керамики, авторы приходят к выводу, что заметную группу изделий домонгольского периода на селище составляют фрагменты коричневой, оранжевой и красной гончарной посуды, характерной для XI – начала XIII в., хотя доминирующей является золотоордынская керамика. Данный тезис представляется нам декларативным, поскольку, по утверждению авторов, при изготовлении круговой посуды во второй половине XIII – XIV вв. во многом сохранялись болгарские традиционные технологии,

свойственные домонгольскому времени, включая рецептуру теста, обжиг, лощение и некоторые формы сосудов (с. 17). На единственном фото с гончарной керамикой (фото 5) фрагменты домонгольской и золотоордынской глиняной посуды представлены вместе под общей подписью. Поэтому остается неясным – каким образом золотоордынская керамика вычленяется из числа домонгольской?

Значительно больше внимания в монографии уделено импортной керамике – кашинной и поливной красноглиняной полумайолике. Происхождение данной посуды связано с Центральной Азией, и она является одним из важных элементов городской культуры золотоордынского времени. Кашинная посуда относится к группе полуфаянсов, ее поверхность покрыта прозрачной глазурью. Она достаточно разнообразна. По цвету поливы и наличию или отсутствию подглазурного рельефа фрагменты кашинной посуды подразделяются на четыре основных типа: с прозрачной бесцветной поливой и подглазурной полихромной росписью; с прозрачной бирюзовой поливой; с прозрачной ультрамариновой поливой с внешней и бирюзовой поливой с внутренней стороны, без росписи; с двусторонней ультрамариновой поливой с росписью белой и красной краской и аппликацией из золотой фольги на внешней стороне.

Наряду с глиняной посудой жители селища широко использовали чугунные котлы, которые представлены находками 98 фрагментов. Не исключено, что они местного производства. Среди железных предметов наибольший интерес вызывают дверные цилиндрические замки и ключи. По мнению авторов, запорные механизмы николевских замков в сравнении с изделиями золотоордынского времени отличаются меньшей сложностью и не имеют дужек, усиленных утолщением. Однако большинство замков представлены мелкими деталями, по которым нельзя определить время их бытования. При этом находка целого железного замка датирована в монографии XIV в. (фото 8). В золотоордынских материалах находят аналогии и две половинки бронзовых зооморфных замков.

Почти треть объема монографии занимает раздел «Торговый инвентарий и средства платежа». В него без изменений включен текст и рисунки из ранее изданной брошюры В. А. Винничека и В. П. Лебедева «Монеты Никольского селища» [1]. Следует отметить, что в данной брошюре, как позже и в монографии, с небольшими дополнениями, но в усеченном виде была воспроизведена более ранняя публикация тех же авторов 2004 г. [2], причем описательная часть текста и выводы, взятые из нее, остались, а их аргументация была опущена. В частности, в статье была обоснована точка зрения о том, что период наибольшей экономической активности на селище приходился на 1340–1363 гг. Сделано это было на основе предположения, что значительная часть серебряных дангов, собранных с селища, представляют собой часть распаханного клада, состав которого авторы статьи постарались реконструировать, после чего вычли их из общего количества нумизматических находок и на основе подсчета оставшихся монет сделали данный вывод. Подобная реконструкция была выполнена на основе сопоставления с материалами клада, найденного на селище в 1914 г., и, на наш взгляд, не является безупречной, поскольку основана на ряде обязательных допущений, которых в реальности могло и не быть. Так, например, условия сложения «расташенного» пахотой

клада могли отличаться от ситуации, в которой был сформирован клад 1914 г., нельзя исключать, что «расташенных» кладов могло быть два или три, и т.д. Интересно, что примерно тот же хронологический период «наибольшей экономической активности» фиксируется и по нумизматическим материалам Потодеевского селища на Верхней Мокше [3, 4], т.е. нельзя исключать, что данная тенденция имела не локальный характер, а была вызвана повышенной интенсивностью денежного обращения на северо-восточных окраинах Улуса Джучи именно в данный период.

Прекращение денежного обращения в 1362–1363 гг. авторы монографии объясняют эпидемией чумы, которая в это время свирепствовала на Руси. При этом они ссылаются на тексты исторических сочинений Н. М. Карамзина, у которого всего лишь содержится пересказ летописных источников, поэтому методически правильной была бы ссылка на текст самой летописи. Так, например, в тексте Никоновской летописи имеются более конкретные сведения о чуме, касающиеся территории Нижегородского Поволжья. Кстати, в упомянутой выше статье В. Н. Винничека и В. П. Лебедева рассматриваются и другие возможные причины прекращения жизни на селище, которые также нельзя исключать. На наш взгляд, затухание жизни на Никольском селище следует объяснять комплексом причин, и, по-видимому, все «три всадника апокалипсиса» приложили к этому свою руку. Данные причины ранее анализировались нами применительно к запустению Потодеевского селища [5], они могут быть актуальными и для Никольского селища. К тому же необходимо заметить, что свои клады, зарытые в землю в канун прекращения денежного обращения на селище, его жители явно прятали не от чумы, а из опасения лишиться их в результате вооруженного грабежа, от которого в условиях внезапного ослабления централизованной власти, наступившего в ходе «Великой замятни», никто не был застрахован. Так, например, в 1362 г. фиксируется резкое понижение цен на рабов вследствие их избыточного предложения [6, с. 223], при отсутствии крупных внешних военных столкновений, в которых они могли бы быть захвачены.

Кроме того, нужно иметь в виду, что «Великая замятня» привела к нарушению экономических связей центра и северных территорий лесостепного Поволжья. В частности, в этот период золотоордынские монеты прекращают поступать и на территорию Самарской Луки, в то время как отдельные вещи из местных мордовских могильников имеют более позднюю хронологию. Вплоть до 1380 г. ордынские монеты не попадали в Мордовские могильники Примокшанья, где они раньше встречались достаточно регулярно, хотя захоронения на некрополях по-прежнему совершались [7]. Поэтому нельзя исключать, что жизнь на Никольском селище еще какое-то время продолжалась, но из-за разрыва торговых связей золотоордынские монеты в Посурье больше не поступали.

К торговому инструментарию в монографии отнесены фрагменты коромысел бронзовых складных весов, бронзовые и свинцово-оловянные гирьки. Также отмечено, что роль разновесов могли выполнять и бронзовые матрицы, вес которых кратен различным весовым стандартам: иранскому ратлю, мискалям по 4,26 и 4,68 г, дирхемам по 1,52 г, данника по 0,76 и 0,78 г. Однако с учетом того, что указанные весовые стандарты столь многочисленны,

а весовой шаг между некоторыми из них минимален, то с учетом принимаемой погрешности (табл. 2) вес практически любого предмета можно поделить без существенного остатка на упомянутые стандарты.

В двух следующих разделах монографии рассматриваются ювелирные украшения, металлические элементы костюма, бусы, зеркала и предметы религиозного культа. Большинство данных предметов относятся к двум периодам существования памятника:

- 1) XI – начало XIII в.;
- 2) вторая половина XIII – середина XIV в.

Видимо, после монгольского нашествия селище на какое-то время было заброшено местным болгарским населением, но, судя по монетным находкам, в конце XIII в. возобновило свое существование. На наш взгляд, произошло это в рамках общей ордынской политики заселения опустевших после нашествия территорий представителями разноэтничного населения. По проанализированному авторами набору вещей на селище проживали: болгары, мордва, русские и, возможно, даже монголы. Представляется крайне важным, что нумизматические находки данного памятника позволяют достаточно точно установить время, когда данные процессы начали набирать свою силу. Основным контингентом, принявшим участие в заселении пустующих территорий лесостепной зоны, стала мордва, но по материалам мордовских могильников установить точную дату данных миграций было нельзя, теперь она нам стала известна. Возникшее в рамках общего государственного обустройства Улуса Джучи Никольское селище, видимо, не только имело торгово-ремесленное значение, но и являлось административным центром Верхнего Посурья, в который стекались налоговые сборы с прилегающих территорий. Именно с данной функцией могло быть связано присутствие на поселении монголов, документированное находкой онгона – антропоморфной фигурки, вырезанной из листовой бронзы, которая являлась «вместилищем души».

В завершении монографии авторами реконструируются пути, по которым осуществлялась торговая деятельность населением селища на двух выделенных этапах его существования. По их мнению, в домонгольское время торговый путь с Самарской Луки шел на Верхнюю Суру и далее по верховьям р. Мокши на Вад, оттуда – на Русь. В золотоордынский период тот же путь с Верхней Суры шел на Мокшу, а затем также поворачивал на Северо-Запад. На наш взгляд, достоверных данных для подобной реконструкции недостаточно. В статье по нумизматике Никольского селища, опубликованной В. А. Винниченко совместно с В. П. Лебедевым, указывается на наличие тесных экономических связей с г. Укеком [2, с. 144], и это несмотря на то, что в период расцвета монетного обращения на селище чеканка монет в Укеке уже не производилась. Торговые связи с Древнерусскими княжествами документированы на Никольском поселении только единичными находками ювелирных украшений, которые, если исходить из присутствия русского населения в Посурье, могли быть изготовлены на месте, а не импортированы за сотни километров. При взгляде на карту распространения джучидских монет из работы Г. А. Федорова-Давыдова хорошо видно, что клады монет, зарытые в эпоху «Великой замятни», тяготеют к течению р. Суры (1960, рис. 2), по которой, видимо, и проходил основной торговый путь, связывающий Верхнее Посурье с Великим Волжским торговым путем. А их повышенная

концентрация в районе г. Наручадь (Мохши) связана не с торговым путем, а с наличием здесь крупного административного центра, в окрестностях которого были сосредоточены значительные массы мордовского населения.

Несмотря на определенные разногласия с авторами в интерпретации части материалов Никольского селища, необходимо признать, что рецензируемое издание, безусловно, является важной вехой в изучении средневековой истории Пензенского Посурья, а представленные в нем материалы значительно расширяют источниковую базу по малоисследованной в крае эпохе, и качество их публикации в полной мере отвечает современным высоким стандартам.

Список литературы

1. Винничек В. А., Лебедев В. П. Монеты Никольского селища. Пенза : Областной издательский центр, 2021. 25 с.
2. Винничек В. А., Лебедев В. П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. М. ; Н. Новгород, 2004. Вып. V. С. 119–148.
3. Средневековый город Мохши / под общ. ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2021. 250 с.
4. Ставицкий В. В., Белоусов С. В. Мордовская округа золотоордынского города Наручадь // Археология Евразийских степей. 2024. № 3. С. 135–146. doi: 10.24852/2587-6112.2024.3.135.146
5. Белоусов С. В., Ставицкий В. В. Проблемные вопросы изучения золотоордынского города Мохши // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 4. С. 840–850. doi: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.840-850
6. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М. : МГУ, 2001. 254 с.
7. Ставицкий В. В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166. doi: 10.24852/2587-6112.2022.6.155.166

References

1. Vinnichек V.A., Lebedev V.P. *Monety Nikol'skogo selishcha = Coins of Nikolskoye settlement*. Penza: Oblastnoy izdatel'skiy tsentr, 2021:25. (In Russ.)
2. Vinnichек V.A., Lebedev V.P. The period of economic activity at Nikolskoye settlement according to numismatic data. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov = Antiquities of the Volga region and other regions*. Moscow; Nizhniy Novgorod, 2004;V: 119–148. (In Russ.)
3. Belorybkin G.N. (ed). *Srednevekovyy gorod Mokhshi = Medieval town of Mokhsha*. Penza: Institut regional'nogo razvitiya Penzenskoy oblasti, 2021:250. (In Russ.)
4. Stavitskiy V.V., Belousov S.V. Mordvian district of the Golden Horde city of Naruchad. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2024;(3):135–146. (In Russ.). doi: 10.24852/2587-6112.2024.3.135.146
5. Belousov S.V., Stavitskiy V.V. Problematic issues in the study of the Golden Horde city of Mokhsha. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2022;10(4):840–850. (In Russ.). doi: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.840-850
6. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya: Keramika. Torgovlya. Byt = Golden Horde cities of the Volga region: Ceramics. Trade. Being*. Moscow: MGU, 2001:254. (In Russ.)
7. Stavitskiy V.V. History of the study of the Primoksha group of Mordvin burial grounds of the Golden Horde period. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey = Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2022;(6):155–166. (In Russ.). doi: 10.24852/2587-6112.2022.6.155.166

Информация об авторах / Information about the authors

Владимир Вячеславович Ставицкий

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей
истории и обществознания,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Vladimir V. Stavitskiy

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor
of the sub-department of general
history and social science,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.07.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 30.08.2024

Принята к публикации / Accepted 15.09.2024